

Л. Н. САРБАШ
(Чебоксары)

ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОРНО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX века¹

Аннотация. В статье рассматривается инонациональный фольклорно-этнографический контекст в освещении Отечественной войны 1812 года в творчестве русских писателей XIX в. — Д. В. Давыдова, К. Н. Батюшкова, Ф. Н. Глинки, А. Ф. Раевского. Исследуются аспекты фольклорной поэтики башкирских песен П. М. Кудряшева и Т. С. Беляева о войне 1812 года.

Ключевые слова: инонациональный фольклорно-этнографический контекст, Отечественная война 1812 года.

В творчестве русских писателей, принимавших непосредственное участие в Отечественной войне 1812 года, изображается как русский народ, так и другие народы многонациональной России — «иные племена». Инонациональный этнографический контекст при освещении событий 1812 г. проявляется в творчестве русских писателей XIX в.: Д. В. Давыдова, Ф. Н. Глинки, С. Н. Глинки, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, А. Ф. Раевского.

Повествовательной особенностью произведений названных писателей о войне является их субъектная организация: герой — участник исторических событий, «самовидец», передающий и оценивающий происходящее. Лирический герой или автор-повествователь — «русский офицер» — выделяет «нерусское», дает этнографическое описание инонациональных явлений российского мира. Интерес к традиционной культуре, народно-национальным истокам

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 12-14-21004 а/В).

русского народа и других российских народностей был характерен для литературного процесса XIX в.

Даровитый писатель и знаменитый партизан Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов в произведениях, описывающих заграничный поход русской армии 1805 г., Бородинское сражение и партизанскую войну, обращается к изображению нерусских народов, участвующих в этих значительных исторических событиях эпохи. В прозаическом отрывке «Тильзит в 1807 году» Д. В. Давыдов отмечает участие башкир в заграничной кампании русской армии. Он пишет, что к полкам регулярных войск в арьергард было прислано несколько конных башкирских полков. Давыдов одним из первых в русской литературе создает образ воина-инородца. Трансляцией «инонационального» является этнический наряд. Писатель дает этнографическое описание башкирского костюма: воины одеты в вислоухие шапки (малахаи), в кафтаны «вроде халатов», на малорослых лошадях, вооружены стрелами и луками. Французы прозвали их «северными амурами» [Давыдов 1982, 85]. Денис Давыдов отмечает традиционное вооружение и снаряжение кочевников, коней степной породы. Уставной формы у башкир не было, и воины носили национальную одежду.

А. Ф. Раевский в своих «Воспоминаниях о походах 1813—1814 годов» высказывает значимую для XIX в. мысль, что Россию вместе с русскими отстаивали другие народности. В разгроме наполеоновских войск принимала участие армия, в ряды которой, наряду с костромскими, рязанскими, нижегородскими полками, входили башкирские, теплярские, калмыцкие: «Всего страннее, как замечали жители, было видеть в числе мстителей за свободу, независимость и благосостояние Европы обитателей Урала и моря Каспийского. Башкиры, Калмыки, Теплярки и другие племена язычников разделяли святой подвиг брани народной; и они смиряли дерзость просвещенных Французов» [Раевский 1822, Ч. 2, 36]. А. Ф. Раевский пишет, что Наполеон, отступая, распространял среди немец-

литературную ситуацию начала XIX в., замечает, что «после Отечественной войны русская культура — и в том числе лирическая поэзия — открыла для себя и освоила стихию народа как основы нации, источника всех ее устоев и ценностей» [Кожин 1978, 119]. Представляется, что русские писатели увидели и российскую инонациональную стихию, что нашло непосредственное отражение в освещении войны 1812 года. В качестве характерной следует отметить одну особенность в публикации этого стихотворения. В отдельном издании 1854 г. текст сопровождается этнографической иллюстрацией: калмык в национальном костюме, с нагайкой в руках и колчаном со стрелами на поясе ведет низкорослого коня степной породы с поклажей мимо Тюльери. Словесное изображение дополняется живописным².

В русском художественном процессе XIX в. появляются произведения, основанные на инонациональном этнографическом материале, представляющие собой переложение фольклорных произведений об Отечественной войне 1812 года. В «Вестнике Европы» в 1822—1828 гг. публикуется лирический цикл об участии башкир в Отечественной войне 1812 года русского поэта П. М. Кудряшева: это три стихотворения — «Прощание башкирца с милой», «Песнь башкирца перед сражением», «Песнь башкирца после сражения». Первое стихотворение при публикации сопровождала приписка и комментарий: «С башкирского, Верхнеуральск»,

² В русской культуре XIX в. проявляется интерес к российскому «инонациональному». Одним из художников, обратившихся к изображению российских народов, участвовавших в Отечественной войне 1812 года, был А. О. Орловский. В его творчестве появляется целая серия работ 1812—1813 гг., посвященная башкирским воинам: «Башкирский отряд», «Башкирский лагерь», «Конные башкиры на бивуаке», «Голова башкира», «Башкир стреляет из лука» и многие другие. Художник на этих картинах передает этнические особенности лиц, этнографические детали одежды (халаты, перевязанные кушаками, рысьи шапки, сапоги с загнутыми носами), оружие — лук и стрелы, колчаны, пики.

«сочинено в 1812 году во время отправления башкирцев в армию против французов» [Кудряшев 1822, 145]. В письме к П. П. Свиньину П. М. Кудряшев указывает на непосредственный источник произведений: «Песнь башкирца после сражения» получена в 1821 г. во время проезда через «6-й башкирский кантон, от одного ученого муллы, жреца <...> Этот же мулла сообщил мне еще две песни, кои переведены мною на русский язык и напечатаны в “Вестнике Европы” 1822 и 1823 годов» [Свиньин 1828, 154].

Лирический цикл П. М. Кудряшева представляет собой вольный перевод башкирских народных песен: поэт обращается с фольклорным материалом достаточно свободно, перерабатывая его и облекая в поэтическую форму русского народного творчества. Чтобы передать устно-поэтические традиции башкирского народа, П. Кудряшев использует русскую фольклорную поэтику. В письме к П. Свиньину поэт сообщает, что «старался только удержать мысли подлинника, но принужден был отступить от простоты слога, составляющей главное достоинство» башкирских песен [Там же, 154].

Каждое стихотворение П. Кудряшева — законченное и самостоятельное произведение, вместе с тем оно является органической частью целого и отражает историческое событие в динамике его развития и драматического напряжения. Песни объединены единым лирическим героем — башкиром-воином. Первая песня передает грусть расставания с любимой: батыра различает с ней «служба царская», он идет на войну кровавую «за царя, за царство Русское, за родных и за приятелей». В произведении проявляется поэтика солдатской народной песни. П. Кудряшев передает сцену сбора башкира не только в этнографической конкретике, но и опираясь на поэтику сцен сбора солдата, богатыря-воина русских народных песен и былин. В песне появляются и свойственные поэтике русской фольклорной традиции постоянные эпитеты — «конь верный», «лук тугой», «сабля острая», «стрелы меткие», «страна далекая»:

Посмотри, моя любезная,
Как твой батыр снаряжается
В трудный путь — страну далекую!
Он коня седлает верного,
Надевает шлем с кольчугою,
Прицепляет саблю острую,
Лук тугой за плечи вешает
И колчан с стрелами меткими;
Он берет копьё булатное —
И с тобой теперь прощается!
[Кудряшев 1822, 84]

Для сохранения национального, башкирского, в ткань повествования переводчик вплетает образы культуры мусульманской. Башкир клянется «про-роком Божиим» Магометом, «священной книгой» «Алкораном», вспоминает «аллу великого»; звук «куры» — чебызги велит расстаться с любимой; «ожидającym сражения» ниспослано благословение Аллаха. П. Кудряшев намечает пути литературного соположения разных национально-культурных традиций.

Лирическим героем движет чувство патриотического долга, звучит клятва верности Родине. Башкир не может потерпеть «беславия», уронить высокое звание башкирского богатыря: это равнозначно отказу от своего Отечества. Родной мир лирического героя создается через фольклорно-этнографические образы-символы: высокое звание батыра-воина, воды священного Урала, национальный напиток башкир — «благовонный кумыс»:

Если — имени башкирского
Ко стыду и посрамлению —
Я забуду должность батыра,
Оробою пред злодеями,
Пусть покроюся бесславием,
Пусть с тобою не увижуся,
Не увижу милой родины!
Пусть воды Урала быстрого
И кумысу благовонного
Никогда мне не удастся пить!
[Там же, 84]

В традициях русского устно-поэтического творчества поэт использует поэтику заговора, заклинательные обороты; возвратные глаголы на «ся» — «покроюся», «увижуся», «надругались»; приемы фразового повторения и синтаксического параллелизма — «пусть покроюся

бесславием... пусть с тобою не увижуся... пусть воды Урала быстрого».

«Песня башкирца перед сражением» передает воодушевление воина накануне великой битвы: батыр осознает свою ответственность перед «царством Русским», которое идентифицируется как родное, башкирское Отечество:

Ни один из наших батырей
Не помыслит пережить того,
Чтобы полчища французские
Полонили Царство Русское,
Разорили наши хижины,
Оскорбили милых жен, сестер,
Над могилами священными
Наших дедов и родителей
Насмеялись, надругались!..
[Кудряшев 1823, 168]

Возникает образ Родины как земли отцов и дедов. В песнях присутствуют и традиционные для народного сознания определения отеческого края: милая родина, наша родина, Святая Родина. Лирический герой в песнях не индивидуализирован, он выступает как представитель всего народа. «Песня башкирца перед сражением» состоит из шести строф, каждой сопутствует рефрен, в котором возникает антропоморфный образ природы и передается нетерпение лирического героя перед грядущим сражением. Возникает «общее место» русской народной поэзии: обращение к природе и надежда на поддержку сил природы в «кровавый день»:

Ты проснись, заря румяная,
Ты проснись скорее, солнышко,
Ты проснись скорее, светлый день:
Покажите нам толпы врагов!
[Там же]

«Песнь башкирца после сражения» — философско-элегические раздумья воина после брани. «Питомцы быстрого Урала, башкирские богатыри», наравне с остальным русским воинством, отличались на ратном поле «усердьем», храбростью, «трудились» в день сражения «для славы» Отечества («за честь, за веру, за царя»), многих недосчитались. Лирический герой, обращаясь к воинам-соратникам, а поэт — ко всем народам России, в душевном порыве с гордостью восклицает:

Друзья! Гордитесь: целый мир
Узнает, сколь могуч башкир!
[Кудряшев 1828, 199].

В песне высказывается мысль, характерная для христианского национального сознания, что погибших героев не надо жалеть: это прекрасная смерть «за веру» и «верность», несущая вечную память народа, а по Корану — дарующая погибшему райские наслаждения:

Вам счастье, радости в раю;
Там гурий девственных лобзанье,
Их ароматное дыханье,
Объятия, улыбка, взгляд —
Блаженством храбрых наградят!
[Там же, 200]

Произведения П. Кудряшева, передавая содержание башкирских песен, не воспроизводят народной стилистики башкирского фольклора, оставаясь в рамках русской фольклорной традиции. По справедливому замечанию М. Г. Рахимкулова, поскольку переводчик использует приемы поэтики русского народного творчества, башкирская «национальная песенная форма нивелировалась» [Рахимкулов 1989, 16].

Русский поэт имел познания в башкирском народном творчестве; по свидетельству П. П. Свиньина, он знал башкирский, татарский и казахский языки. Инонациональные фольклорно-этнографические мотивы присутствуют в повести «Искак», поэме «Абдрахман», очерке «Предрассудки и суеверие башкирцев». В письме к П. П. Свиньину Кудряшев рассуждает о специфике башкирского фольклора, песни и сказки которого ему кажутся очень близкими русским: «<...> в тех и других есть большое сходство с нашими народными песнями и сказками. В башкирских преданиях, на которых основаны их сказки и песни, всегда встречаются батыры, нисколько не подобные древним рыцарям, но имеющие особенный характер, свойственный одним башкирцам» [Свиньин 1828, 154]. Это наблюдение давало поэту возможность более свободного обращения с башкирскими фольклорными источниками.

Башкирский народ гордился своим массовым участием в Отечественной войне 1812 года: в башкирском фольклоре бытует немало песен, связанных с этой исторической тематикой — «Вторая армия», «Кахым-туря», «Французская армия», «Эскадрон», «Кутузов», «Рыжий конь со звездочкой на лбу», «Баик», «Любизар». В этот фольклорный ряд и входят башкирские песни в переложении П. М. Кудряшева.

Известная башкирская народная песня об Отечественной войне 1812 года «Любизар» связана с историческим преданием о том, что М. И. Кутузов сказал командиру одного из башкирских полков о храбрости и воинской доблести сражавшихся башкир: «Любезные вы мои башкирцы, хорошо деретесь, молодцы!». Похвала была передана войнам-конникам, которые сочинили песню, прославляющую подвиги башкир и имеющую припев на русском языке. Он представляет собой переделанные на башкирский лад слова русского полководца — «Любезники, любизар, маладис, маладис!»:

Зря решил Наполеон
На Руси воздвигнуть трон,
Зря в Москву он заявился:
Был умен, теперь учен.
Любезники, любизар,
Маладис, маладис.
Дай России только срок,
И французу даст урок:
Русский и башкир прижали —
Побежал, не чуя ног.
Любезники, любизар,
Маладис, маладис.
И в Москве бывали мы,
И Париж видали мы,
И захватчика-француза
Хорошо бивали мы.
Любезники, любизар,
Маладис, маладис.
Улицы бульжные
У французов — здорово!
Эх, навоевал французу
На свою же голову.
Любезники, любизар,
Маладис, маладис
[«Любезные вы мои...» 1992, 209—210].

В народной песне изображается не конкретное событие, а содержит последовательный рассказ о войне:

нападение Наполеона на Россию, его изгнание, взятие Парижа, победа над французской армией. Кудряшев в своих башкирских песнях Отечественную войну объединяет в одно событие — «сражение», принесшее победу и славную смерть защитникам. Отрывок башкирской песни «Любизар» был напечатан в сборнике 1854 г. «Песни разных народов», составленный и переведенный Н. Бергом. Песни даются в двуязычном варианте, и составитель поясняет, что в башкирской песне содержится припев на русском языке, только записанный татарскими буквами: «Малатсы, аһ, Башкыртсы малатсы!»:

Француз не прост, наводит мост,
Хитрит-мудрит он черезчур,
Казак у них проворен, лих —
В деревню шмыг, ворует кур.
Молодцы, ах, Башкирцы молодцы
[Песни разных народов 1854, 233].

Н. Берг также поясняет, что башкирская песня переведена «размером подлинника, со всеми изменениями», и он даже «удержал» своеобразие песни, ее поэтическое устно-народное построение — «внутренние созвучия».

Башкирские песни Петра Кудряшева появились в двадцатых годах XIX в., задолго до записи многих башкирских песен, в том числе и «Любизара». Произведения Кудряшева имели просветительское значение: опубликованные в журнале «Вестник Европы», они знакомили русского читателя с народным поэтическим творчеством одного из российских народов и в то же время демонстрировали интерес русских писателей к творчеству других народностей России, стимулируя зарождение фольклористики этих народов. Башкирский цикл П. Кудряшева показателен как значимый фактор литературного процесса: в русской литературе появляется произведение, транслирующее инонациональный фольклор и воспроизводящее события 1812 г. от лица героя-иностранца. П. Кудряшев был одним из первых русских писателей, обратившихся к инонациональному фольклорному материалу.

Первой же публикацией по мотивам башкирского фольклора была книга

Тимофея Беляева «Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года», представляющая собой обработку тюркоязычного эпоса. В произведении содержится указание на участие башкир в далеких походах: на своей волшебной доске сказочная фея Мяскай показывает батыру Куз-Курпячу, как башкиры по призыву русского царя («белый падиша урусов») идут на войну: «Однородцы велением его, как от глубокого сна, возбуждаются, собираясь в полчища. Оружие на них блистает, да и самые кони их производят ржание, как бы на брань готовящиеся <...> Полчище за полчищем уходят <...>» [Беляев 1812, 120]. Мяскай говорит, что некоторые из батыров отличатся заслугами, будут награждены и возвратятся в свои кочевья; на этом «знания» волшебницы кончаются. М. Рахимкулов отмечает, что описание событий в «Куз-Курпяче» доводится до «современного для Беляева времени, то есть до начала XIX века»: «стройные полчища» башкир — это, вероятнее всего, башкирские конные полки, принимавшие активное участие в войнах против Наполеона... во время французской кампании 1805—1807 годов» [Рахимкулов 1989, 470].

У Тимофея Беляева было и произведение об Отечественной войне 1812 года — «Песнь Курайча Рифейских гор» (1813 г.), повествующее об участии башкир в этом историческом событии. «Песнь...» представляет собой стилизованное под фольклор произведение. В нем присутствуют мотивы и образы башкирского фольклора: башкиры определяются в русле устно-поэтической традиции как народ, «семью зовущийся родами» (по преданию на основе царской грамоты башкиры поделили земли на семь родов); Урал и Рифейские горы (древнее название Уральских гор) предстают как родина башкир, битва уподобляется свадебному пиру «тую»; встречаются башкирские слова и выражения, которым даются авторские пояснения — «батырь», «туйгун», «туй», «курайча» и другие. Сбор башкирских батыров на войну предстает в фольклорных образах-уподоблениях:

Как ловчий сокол снарядился
 На хищных врагов напущать,
 Так каждый батырь устремился
 За белого Падышу стоять
 [Поэты 1790—1810-х годов 1971, 499].

«Песнь...» представляет собой мифопоэтическое осмысление Отечественной войны 1812 года, которая предстает в эсхатологическом масштабе как вселенская битва божественных и сатанинских сил — древнего Дадьжала, которого Аллах низвергнул в бездну и которого «христиане называют антихристом». Курайча объясняет башкирам — обитателям Рифейских гор — духовное значение, сакральный смысл 1812 года:

Народ! Внемлите весть благую,
 Урус погану рать и злую
 Попрал, стопгал, под ноги смял.
 Джигиты наши подоспели,
 Как снежны бури налетели,
 И враг на Запад побежал
 [Там же, 500].

В русле башкирской поэтической традиции (Урал как «страна семи родов») дается результат одержанной победы: из великого испытания рождается новое сообщество народов — «осьмой род», в которое вошли башкиры-«семиродцы»:

Из дальних зрю толпами
 Аулов едущий народ,
 Семью зовущий родами,
 В осьмой присвоенный им род
 [Там же].

Т. С. Беляев утверждает в своем произведении единство народов, приветствуя их родство: «Хвала осьми наших родов!». Н. И. Онуфриева полагает, что «осьмой род» в «Песне Курайчи...» свидетельствует «о начале нового исторического этапа, знаменующего рождение и новой общности людей — российского этноса... Урал, Рифейские горы становятся тем пограничным пространством, которое символизирует особую миссию России — союз Азии и Европы, объединение народов в одну дружественную семью» [Онуфриева 2010, 193]. Таким образом, башкирское предание о «семиродцах» рождает в идейно-художественной системе «Песни Курайча» новую этноконстанту — «осьмой» род, объединяющий башкир и русских.

«Осьмой род» как идейная доминанта присутствует и в повести «Куз-Курпяч», посвященной «сыну Осьмиродца» (вероятнее всего, оренбургскому губернскому прокурору Н. И. Тимашеву), отец которого, любимый башкирами, был причислен к их семи родам и одновременно назван принадлежащим к «осьмому» роду. В связи с изданием «Куз-Курпяча» сам Тимашев в письме к Г. Р. Державину, которому он подарил «башкирскую повесть», называет себя «осьмиродцем башкирцем», живущим «под хребтом Уральских гор» [Державин 1871, 249].

В дальнейшем вслед за Т. Беляевым и П. Кудряшевым эта тенденция — обращение к нерусской фольклорно-этнографической традиции — реализуется в творчестве В. И. Даля («Башкирская русалка», «Бикей и Мауляна», «Майна»), П. И. Мельникова-Печерского («Общественные моления эрзян», «Эрзянская свадьба», «Мокшанская свадьба», «Очерки Мордвы»), Д. Н. Мамина-Сибиряка («Баймаган», «Лебедь Хантыгая», «Слезы царицы»), С. В. Максимова («Край крещеного света»), Н. Д. Телешова («Сухая беда», «Живой камень»), В. Г. Короленко («Мултанское жертвоприношение») и многих других русских писателей.

Инонациональный фольклорно-этнографический контекст присутствует в творчестве русских писателей XIX в. в освещении Отечественной войны 1812 года: происходит осознание России как полиэтнического Отечества, в котором русские вместе с другими российскими народами отстаивают его свободу и независимость, оберегают общую землю отцов.

Литература

Батюшков 1964 — Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. 2-е изд. М.; Л., 1964.

Беляев 1812 — Беляев Т. С. Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских, 1809 г. Казань, 1812.

Беляев 1971 — *Беляев Т. С.* Песнь Курайча Рифейских гор // Поэты 1790—1810-х годов / вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 497—503.

Глинка 1854 — *Глинка Ф.* Урал.. (На трех ударим разом). СПб., 1854.

Давыдов 1982 — *Давыдов Д.* Тильзит в 1807 году // Военные записки. М., 1982. С. 80—104.

Державин 1871 — Письмо Н. И. Тимашева от 11 декабря 1812 года к Г. Р. Державину // Сочинения Державина. С объяснительными примечаниями академика Я. Г. Грота. СПб., 1871. Т. VI. С. 249—251.

Кожин 1978 — *Кожин В. В.* Книга о русской лирической поэзии XIX века: Развитие стиля и жанра. М., 1978.

Кудряшев 1823 — *Кудряшев П. М.* Песнь башкирца перед сражением // Вестник Европы. 1823. № 15. С. 167—170.

Кудряшев 1828 — *Кудряшев П. М.* Песнь башкирца после сражения // Вестник Европы. 1828. № 15. С. 198—201.

Кудряшев 1822 — *Кудряшев П. М.* Прощание башкирца с милой // Вестник Европы. 1822. № 9. С. 145—176.

«Любезные вы мои...» 1992 — «Любезные вы мои...». Сб. к 180-летию Отечественной войны 1812 года / сост., коммент. и науч. ред. А. З. Асфандияров. Уфа, 1992.

Онуфриева 2010 — *Онуфриева Н. И.* «Песнь Курайча Рифейских гор» Т. Беляева и проблема генезиса «уральского текста» // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе. Йошкар-Ола, 2010. С. 190—194.

Песни разных народов 1854 — Песни разных народов / сост. Н. Берг. М., 1854.

Раевский 1822 — *Раевский А. Ф.* Воспоминания о походах 1813—1814 годов: в 2 ч. М., 1822.

Рахимкулов 1989 — *Рахимкулов М. Г.* Предисловие // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1989. Т. 1.

Свиньин 1828 — *Свиньин П. А.* Петр Михайлович Кудряшев, певец картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей Киргиз-Кайсацких // Отечественные записки. 1828. Ч. 35. № 100. С. 145—176.

Summary. *The article deals with non-indigenous folk and ethnographic context in the light of the Patriotic War of 1812 in the works of Russian writers of the XIX century — D. Davidov, K. Batyushkov, F. Glinka, A. Rayevskiy. We investigate the aspects of the Bashkir poetics in the folk songs by P. Kudryashov and T. Belyaev about the war in 1812.*

Key words: *non-indigenous folk and ethnographic context, the Patriotic War of 1812.*

М. В. СТРОГАНОВ
(Тверь)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 года: ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Аннотация. *Историческая песня видит в национальном государстве как воображаемом сообществе не государство, а нацию. Многонациональная Россия в авторских текстах — это русское государство, а в исторических песнях — русская нация, то есть казачество.*

Ключевые слова: *историческая песня, Отечественная война 1812 года.*

Мы не имеем возможности развернуть в данной статье свое обоснование исторических корней жанра исторической песни. И нам придется принять в качестве аксиомы, что историческая песня как жанр сформировалась в России в эпоху создания единого национального государства и отразила преобладание ценностей государства над ценностями частной жизни. Формирование единого национального государства началось на рубеже XIII—XIV вв., и песня о Щелкане была первым текстом, отвечающим такому пониманию жанра. Исторические песни об Отечественной войне 1812 года появляются в конце периода формирования единого национального государства, потому что уже с середины XIX в. в России активно развиваются капиталистические отношения. Народ перестает быть «государственником» и становится «частником». В это время жанры фольклора предыдущего («го-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Подготовка и издание монографии “Концепт ‘отечество’ в поэзии современников войны 1812 года и пути осмысления Россией государственной и национальной идентичности в XIX—XX веках»», проект № 12-34-07002.